

О терминологических фантомах и терминологических ловушках

Васильева Н.В.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт языкознания Российской академии наук», Москва

В статье рассматриваются терминологические явления пограничного характера, которые ранее не входили в круг вопросов терминоведения.

Цель данной работы – исследовать случаи неполного понимания терминов, имеющие различные последствия для научного знания.

Материал и методы. *Материалом послужили различные филологические научные тексты последних десятилетий на русском, английском и немецком языках. Основными методами исследования являются контекстологический и дефиниционный анализ, а также метод когнитивного моделирования, используемый для словообразовательного анализа.*

Результаты и их обсуждение. *Устанавливается, что общим когнитивным механизмом появления фантомных и ложно ориентирующих терминов (терминологических ловушек) является неполное понимание, возникающее чаще всего при трансферах из других терминосистем и других языков.*

Заключение. *Когнитивные последствия такого процесса различны: от возникновения ложно ориентирующих фантомных терминов с размытым сигнификатом до терминологических переосмыслений, формирующих и развивающих научное знание.*

Ключевые слова: *терминотворчество, терминологические ловушки, фантомные термины, неполное понимание, научное знание.*

(Ученые записки. – 2023. – Том 38. – С. 53–56)

On Terminological Phantoms and Terminological Pitfalls

Vasilyeva N.V.

Federal State Budgetary Institution of Science
Russian Academy of Sciences Institute of Linguistics, Moscow

The article deals with terminological phenomena of borderline nature, which are not included in the framework of terminology studies.

The purpose of the article is to explore such cases of incomplete understanding of terms, which have various consequences for scientific knowledge

Material and methods. *The material was various philological texts of the last decades in Russian, English and German. The main research methods included contextual and definitional analysis, as well as the method of cognitive modeling used for word-building analysis.*

Findings and their discussion. *It was established that the general cognitive mechanism of phantom and falsely orientating terms (terminological pitfalls) occurs due to incomplete understanding, which arises most often in transferring from other terminological systems and other languages.*

Conclusion. *The cognitive consequences of such process could vary a lot: from creating terms with blurred conceptual content (phantom terms) to re-interpreting terms that offer new challenges for scientific knowledge.*

Key words: *term creation, terminological pitfalls, phantom terms, incomplete understanding, scientific knowledge.*

(Scientific notes. – 2023. – Vol. 38. – P. 53–56)

Рассуждая о взаимодействии языка и культуры, В.А. Маслова среди других черт, общих для этих двух семиотических систем, называет *нормативность* [1, с. 60]. Нормативность как категория играет особую роль в терминоведении, и неслучайно

понятия систематизации, упорядочения и стандартизации терминологии лежат в основе всей концепции терминологической деятельности. В русле современной терминоведческой парадигмы, до настоящего времени определяемой как когнитивная, ср. [2], а мы бы

назвали ее уже посткогнитивной [3], круг проблем существенно расширился. С одной стороны, центральной проблемой когнитивного терминоведения признается «соотношение терминосистем (и шире – языков профессиональной коммуникации) со стоящими за ними структурами специального знания» [4, с. 13–14]. С другой стороны, не только специальное знание *per se* подлежит анализу, но и различные иные факторы, сопутствующие и/или мешающие благополучному функционированию специальной коммуникации.

Обратимся с этих позиций к одной из малоисследованных проблем терминоведения, связанных как с языковой формой терминов, так и с функционированием их в специальных текстах. И это будут случаи, сопряженные с «неидеальностью» понимания терминов. *Нашей целью будет исследовать такие случаи неполного понимания терминов, имеющие различные последствия для научного знания.*

Материал и методы. Материалом послужили выборки из филологических научных текстов последних десятилетий на русском, английском и немецком языках, составившие личную картотеку автора. Основными методами исследования являются контекстологический и дефиниционный анализ, а также метод когнитивного моделирования, используемый для словообразовательного анализа.

Результаты и их обсуждение. К неполному пониманию как к когнитивной проблеме интерес возник относительно недавно, и сформулировали ее сначала философы [5]. Лингвистический взгляд на неполное понимание, используемое в качестве коммуникативной стратегии и стратегии чтения, находим у М.А. Кронгауза [6]. Неполное понимание как когнитивный оператор, т.е. одна из общих аналитических функций человеческого ума, может привести к возникновению ложного знания, но может послужить и катализатором нового знания. И может также стать причиной возникновения терминологических «поручиков Кижэ» – терминов-фантомов, пустых оболочек, не несущих в себе когнитивного смысла. Приведем пример сначала такого термина-фантома, потом – термина-катализатора нового знания, а затем обсудим понятие терминологических ловушек.

Обратимся к лингвистической терминологии и рассмотрим ситуацию, которую можно условно обозначить как «слышал звон»: термин появляется в результате весьма приблизительного понимания исходного термина и теряет присущий последнему когнитивный смысл. Так произошло с термином *номема* в одной российской кандидатской диссертации (думается, что можно ее не называть, чтобы не рекламировать). Автор диссертации ориентировался на немецкий термин *Nomem*, введенный в научный обиход специалистами по исторической ономастике Ф. Кольхаймом и К. Хенгстом [7]. Работа с рукописными источниками XIII–XIV вв., содержащими различные варианты имен, не совпадающие с современными привычными вариантами (например,

Matz как гипокористика от женского личного имени *Mechthild*, а не как принятая в современном немецком языке краткая форма мужского имени *Matthäus* или *Matthias*), навела этих исследователей на мысль, что должна существовать некая абстрактная единица, которая давала бы возможность носителям языка и культуры в определенном хронотопе распознавать различные варианты имен как функционально идентичные. Такая единица получила название *Nomem* ‘номема’ (от лат. *nomem* ‘имя’ + эмический формант). Реализуемые письменно и устно варианты, согласно структурно-лингвистической терминологической модели, получили обозначение *аллономы* (resp. *графоаллономы* и *фоноаллономы*). Восприятие имеющего различные варианты антропонима описывалось как переход от уровня *аллонома* (область реализации) на уровень *номемы* (в ментальное пространство, в которой содержится информация о данном объекте, адресом доступа к которой является номема) [7, с. 19–20]. Таким образом, концепция *номемы* значима прежде всего для исторической ономастики, а также для социономастики и контактной ономастики.

Авторы обсуждаемой статьи не ставили целью возвращения к жесткому структуралистскому подходу в рамках дихотомии «язык – речь», а применение аллоэмической терминологии в данном случае связано с представлением о системности, вбирающей в себя все варианты. Эмический термин здесь даже трудно назвать в полном смысле инвариантом, здесь больше подходит, на наш взгляд, обозначение *дескриптор* как представитель совокупности вариативных номинаций, признанный как таковой в данный исторический отрезок времени в данном лингвокультурном социуме и в силу этого являющийся «адресом доступа» к проприальной информации. Таково значение термина *номема* и представление о номематическом характере хранения ономастической информации в трудах авторов этого термина и концепции в целом Ф. Кольхайма и К. Хенгста. Посмотрим, что стало с этим термином в одной российской диссертации, посвященной прецедентным именам. В этой работе присутствует ссылка на немецких ученых, однако: 1) отсутствует дефиниция авторов термина; 2) читатель оценивает термин только в определениях автора диссертации; 3) эти определения разбросаны по тексту и имеют в составе различные гиперонимы (*механизм, смысловой стержень, единица плана содержания, накопитель информации* и др.). Таким образом, существует целый набор дефиниций, в том числе метафорических, лишь отдаленно схожих с дефиницией прототермина. Довольно сомнительно, что данный способ категоризации *номемы* с помощью вариантных дефиниций ведет к приращению знания; более пристальный анализ контекстов показывает, что элиминация этого термина мало изменяет содержание текстовых фрагментов. Это позволяет сделать вывод, что перед нами термин-фантом, выполняющий в основном орнаментальную функцию.

Приведенный пример относится к довольно узкой лингвистической области и, скорее всего, в ней и останется. Обратимся к иной терминологической ситуации, когда неполное понимание термина в виде его неточного перевода стало толчком к возникновению новой теории. В.А. Виноградов [8, с. 529–530] проанализировал историю термина *маркированный* (франц. *marqué*), которым Ж. Кантино, воспользовавшись термином из стиховедения, передал термин Н.С. Трубецкого *merkmalhaltig* при переводе книги «Основы фонологии», т.е. ‘признаковый’ (‘содержащий признак’) член фонемной оппозиции в противоположность ‘беспризнаковому’ – *merkmallos*. В терминах Трубецкого была отчетливо видна внутренняя форма, которая утратилась во французском термине. В.А. Виноградов приводит в этой связи мнение Р.О. Якобсона, сетовавшего на то, что этот вольный перевод затемняет простую суть терминов Трубецкого: «Чужезычные образования, снабженные русскими суффиксами, маркированный и немаркированный, перекочевали из торгового и бильярдного обихода в лингвистическую лексику и получили здесь монополию» [9, с. 385]. «Тем не менее, – пишет далее В.А. Виноградов, – указанная пара полярных терминов прочно вошла в обиход лингвистики как русскоязычной, так и англо- (*marked – unmarked*) и франкоязычной (*marqué – non-marqué*)» [8, с. 529]. И благодаря этому в лингвистике появилась новая теория маркированности, ушедшая далеко от французского стиховедческого термина, а также и от исходного термина Трубецкого: «Понятие маркированности сегодня связывается, с одной стороны, с фактором ограниченной дистрибуции, а с другой – с типологической импликацией представленности в языке двух коррелятивных сущностей согласно формуле: “маркированное” → “немаркированное”» [8, с. 530]. Таким образом, это редкий в истории науки случай, когда неполное понимание термина в виде его неточного перевода стало толчком к возникновению новой теории и тем самым привело к приращению знания.

Метафора «терминологические ловушки» [10] хорошо, на наш взгляд, характеризует в целом различные случаи неполного понимания терминов как их творцами, так и пользователями. Само это выражение можно обнаружить в научных текстах, посвященных проблемам перевода, ср. хорошо всем известные «ложные друзья» переводчика, а также при анализе публицистических текстов, содержащих различные идеологемы. Исходя из того, что ловушки можно расставлять, но можно и в них попадать, манипуляции с идеологемами можно отнести к расставляемым ловушкам, поскольку интенция исходит от отправителя текста, а «ложных друзей» переводчика в межъязыковой коммуникации отнести к другому типу ловушек, в которые попадает пользователь из-за неискренности переводчика.

На примере ономастической терминологии рассмотрим ситуацию в терминообразовании, связанную

с терминологическими ловушками, в которые может попасть как создающий новый термин специалист, так и тот специалист, который терминами пользуется.

1. Интернациональные термины. Как ни парадоксально, но именно в интернациональном облике терминов, в частности, терминов на греко-латинской основе, кроются затруднения для взаимопонимания специалистов. Это связано, прежде всего, с тем, что из интернационального лексического фонда разными учеными извлекается одинаковое слово, но при создании термина используются разные лексико-семантические варианты или разные оттенки значения этого слова. Так, в русской ономастической терминологии термин *хремадоним* означает ‘собственное имя вещи’, при этом ‘вещь’ понимается только как артефакт («Шапка Мономаха»), а у западных славян этим термином обозначаются имена собственные и артефактов, и институций, и общественных явлений [11], т.е. налицо узкое и широкое понимание греч. слова *chrēma*, *chrēmatos* ‘вещь, предмет или дело’.

2. Нежелательный терминологический эффект может возникнуть при сбоях в категориальном значении терминологической модели (категориальном дрейфе). Неслучайно в примере с термином *номема* сознание заимствовавшего термин (но не вникшего с его сутью) автора дрейфовало от значения ‘категориальная сущность’ к значению ‘инвариант’ и обратно. Именно таково в современном лингвистическом обиходе значение эмической терминологической модели, и «угадывание» значения термина обусловлено этими категориальными рамками. Если ломается сама модель, то не происходит и угадывания, а полученные таким путем термины несут на себе печать терминологического диссонанса [12]. Это достаточно редкое явление; тем интереснее, что в англоязычной терминологии ономастики оно обнаружилось в одной из самых частотных моделей, а именно: в модели с категориальным компонентом *-онимия* ‘совокупность собственных имен, специфицированных первым компонентом’ (ср. *антропонимия*, *урбанонимия*, *артионимия*). В англоязычной терминологии ономастики есть термины *patronymy* и *matronymy*, построенные по этой модели, но с категориальным сбоем, который выразился в том, что термины *patronymy* ‘патронимия’ и *matronymy* ‘матронимия’ означают не совокупность патронимов resp. матронимов, а принцип проприальной номинации, когда ребенок получает имя, производное от имени отца (патронима) или матери (матронима) [13].

3. Терминологические затруднения возникают при попытках использования очень специфических индивидуальных терминосистем. Так, филолог А.А. Белецкий, будучи знатоком древних языков, построил свою собственную ономастическую терминосистему на элементах, максимально точно воспроизводящих значение греческих лексем. Данная терминосистема обогатила метаязык науки, но не вошла в практический

обиход, поскольку этимологическая точность терминов сыграла роль терминологической ловушки. Например, для базовых понятий «имя собственное» и «имя нарицательное» А.А. Белецкий создает термины *эйдоним* и *геноним* (от греч. *eidos* ‘вид’ и *genos* ‘род’). Термин *эргоним* (от греч. *ergon* ‘дело, труд, результат труда’) в системе Белецкого означал ‘собственное имя произведения литературы и искусства’ [14], в то время как в общепринятой в настоящее время терминологии это термин применяется для собственных названий деловых объединений людей. Подобные терминосистемы, однако, являются ценным свидетельством определенного типа терминологического мышления.

Кроме перечисленных терминологических ловушек, возможны ловушки-ослышки, вызванные чисто фонетическими причинами. Так, термин *диверсификация* ‘расширение’ при устном восприятии может трактоваться как ‘утрата стихосложения’, т.е. *де-версификация* (пример С.Е. Никитиной). Отметим, что упомянутые ослышки (иначе – мондегрины, ср. *der weiße Nebel wunderbar* → *der weiße Neger Wumbaba* ‘белый туман прекрасен → белый негр Вумбаба’) [15] представляют собой интересную тему уже далеко за пределами терминологических штудий.

Заключение. Терминологи прошлых лет помнят так называемые нормативные требования к идеальному термину, сформулированные Д.С. Лотте (однозначность, краткость, точность, системность, отсутствие синонимов).

В настоящее время, когда термин, войдя в парадигму антропоцентрического и когнитивного терминоведения, стал восприниматься и трактоваться не только как номинативный элемент специальной области знания, но и как элемент когнитивной структуры профессиональной языковой личности, понятие нормативности в терминологии претерпело некоторые изменения и стало оцениваться скорее в рамках понятия удачности/неудачности номинации. Представляется, что удачность терминотворческого процесса сейчас можно определить, исходя не из параметров «идеального термина», а скорее *in adverso*, т.е. понять, в каких случаях термин не является удачным. Поэтому мы обратились к проблеме неполного понимания в терминологии и к возникающим в результате терминологическим фантомам и «терминологическим ловушкам». Неполное понимание, таким образом, может считаться одним из способов терминологического заимствования, который – в зависимости от общего научного уровня исследования, а также его текстового воплощения – может послужить толчком к новому знанию, а может лишь выполнять орнаментальную функцию. Взгляд на терминообразование сквозь призму неполного понимания позволяет, на наш взгляд, увидеть некоторые явления, которые не попадают в поле зрения при оперировании статическим понятием ложно ориентирующего термина.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: Изд. центр «Академия», 2001. – 208 с.
2. Алексеева, Л.М. Когнитивная трансформация терминоведения / Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова // Когнитивные исследования языка. – Челябинск: Изд-во Челябин. гос. ун-та, 2023. – С. 122–128.
3. Васильева, Н.В. О посткогнитивном терминоведении / Н.В. Васильева // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы V Междунар. науч.-метод. конф., Уфа, 1–2 дек. 2016 г. / отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2016. – С. 47–51.
4. Голованова, Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направление и перспективы развития / Е.И. Голованова // Вестн. Челябин. гос. ун-та. Вып. 82. Филология. Искусствоведение. – 2013. – № 24(315). – С. 13–18.
5. Smith, S. Incomplete Understanding of Concepts: The case of Derivative / S. Smith // Mind. – 2005. – Vol. 124, iss. 496. – P. 1163–1199.
6. Кронгауз, М.А. Неполное понимание как коммуникативная стратегия / М.А. Кронгауз // Лингвистическая полифония: сб. ст. в честь юбилея профессора Р.К. Потаповой / отв. ред. В.А. Виноградов. – М.: Языки славян. культур, 2007. – С. 960–969.
7. Kohlheim, V. Personennamen, Ortsnamen und linguistische Theorie / V. Kohlheim, K. Hengst // Namenkundliche Informationen. – 2004. – № 85/86. – S. 17–31.
8. Виноградов, В.А. Термин в научном дискурсе / В.А. Виноградов // В.А. Виноградов Статьи по общему языкознанию, компаративистике, типологии / сост. и ред. К.Г. Краусхин. – М.: Изд. дом «ЯСК», 2018. – С. 526–534.
9. Якобсон, Р.О. Круговорот лингвистических терминов / Р.О. Якобсон // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. – М.: Наука, 1971. – С. 384–387.
10. Васильева, Н.В. Терминологические ловушки и терминообразование / Н.В. Васильева // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода: материалы IV Междунар. науч.-метод. конф., Уфа, 23 дек. 2015 г. / отв. ред. Н.П. Пешкова. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – Т. 1. – С. 18–20.
11. Knappová, M. Namen von Sachen (Chrematonymie) II / M. Knappová // Namenforschung: Ein Internationales Handbuch zur Onomastik / E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Hrsg.). – Bd. 2. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 1996. – S. 1567–1572.
12. Васильева, Н.В. О диссонансах в терминотворчестве / Н.В. Васильева // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXII. В поисках смыслов языка: сб. науч. тр. в честь 90-летия Е.С. Кубряковой / отв. ред. выпуска О.К. Ирисханова. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2018. – С. 595–602.
13. Zgusta, L. Names and their Study / L. Zgusta // Namenforschung. Name Studies. Les noms propres: Ein internationales Handbuch zur Onomastik / E. Eichler, G. Hilty, H. Löffler, H. Steger, L. Zgusta (Hrsg.). – Bd. 2. – Berlin-New York: Walter de Gruyter, 1996. – S. 1876–1890.
14. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) / А.А. Белецкий. – Киев.: Изд-во Киев. ун-та, 1972. – 208 с.
15. Hacke, A. Der weiße Neger Wumbaba / A. Hacke, M. Sowa. – München: Verlag Antje Kunstmann, 2009. – 64 s.

Поступила в редакцию 13.11.2023